

Третья 1973. 4/III

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ

ИЗ ДНЕВНИКА
ПИСАТЕЛЯ

Встреча авторов книг с читателями — устоявшаяся и приятная традиция. Думаю, не ошибусь, если скажу, что каждый автор на подобных встречах слышал обращенный к нему вопрос: «Что послужило вам поводом написать эту книгу?» Поскольку я пишу пьесы (их читают гораздо реже, чем стихи или прозу, пьесы смотрят в театре), то я встречаюсь со зрителями, они и есть мой читатель. И на этих встречах также задают подобный вопрос.

Поводы бывают самые разные, а иногда и неожиданные. Когда после Великой Отечественной войны, участником которой я был, написал пьесу «Вечно живые», а потом сценарий «Летят журавли» — тут, думаю, объяснять ничего не надо. Это уже не повод, это — моя судьба. Но бывают «толчки», казалось бы, совсем незначительные и неприметные для другого глаза. Но они почему-то мучат, и думаешь о них, думаешь, пока не напишешь, и тем как бы облегчишь душу.

Расскажу сейчас случай, казалось бы, совсем заурядный. — Это произошло в Ленинграде. Осмотрев картины музея, утомленные и счастливые, мы с сыном стали спускаться в цокольный этаж, где расположен гардероб. Побродив по лабиринтам подполья, отыскали наш отсек — я узнал его сразу по статному старику-гардеробщику, которому утром мы сдавали пальто. Вид человека преклонного возраста вызывает у меня то почтительное и даже несколько возвышенное чувство, которое испытываешь, когда берешь, скажем, в руки пожелтевшую, потрепанную ветрами времени, неведомую тебе старую книгу.

Мы подошли к барберу, и я стал отыскивать в карманах пластмассовые жетоны. В это время в отсек вошла женщина с мальчиком лет десяти — двенадцати, по виду приезжие из какого-нибудь маленького городка.

— Скажите, пожалуйста, у вас можно сдать пальто? — обратилась женщина к служащему.

— Нет, нельзя, — спокойно и даже величественно ответил мужчина.

— А нас послали сюда, сказали, что у вас есть свободные места.

Служитель, не поворачивая головы, холодно и внятно отрезал:

— А я вам говорю — мест нет.

Именно в это время я нашарил в кармане затерявшиеся номерки, достал и, протягивая их гардеробщику, радостно произнес: «Мы как раз берем пальто — вот и будут два свободных места».

И вдруг «древняя книга» открылась: голова повернулась, сверкнули грозные очи, и резко прозвучал низкий голос:

— А вы не распоряжаетесь. Я здесь хозяин!

Какая неожиданная реплика! Не помню, как были выхвачены из моей руки жетоны, увидел только гневно брошенные на перила наши два пальто, просящий взгляд женщины, мальчика с широко открытыми глазами нестеровского отрока и уже окаменевшего, как кариаида, служителя музея.

...Мне рассказывали, что Всеволод Мейерхольд говорил своим актерам и ученикам студии: «Если я опаздываю на репетицию или урок, выйдите на улицу и посмотрите, нет ли сборища людей вокруг

какого-нибудь происшествия. Ищите меня в этой толпе». К подобному поведению художника толкало не простое любопытство зеваки, а профессиональный интерес.

Я стал нарочно медленно одеваться и наблюдать за развитием действия. Старик оставался неподвижен. Мадонна с младенцем тоже застыла в ожидании. Пауза затянулась.

Ну зачем служащему два свободных номерка? Почему он мучит людей? Я стоял и ждал. Наконец, страж царственной походкой двинулся к барберу и снисходительно изрек: «Давайте!».

Мы с сыном брели к гостинице молча. И в уме моем, помимо моей воли, со стороны на сторону перекатывалось это старое и скверное слово «хозяин». Какая невероятная путаница понятий в голове этого человека, думаю я. Ведь хозяевами в данном случае были мать и мальчик. Это для них, для посетителей, открыт столь великолепный музей, это благодаря им, наконец, получают свою заработную плату служащие музея и тот самый гардеробщик в их числе. Он сейчас на работе, именно в это время он меньше всего хозяин, он — обслуживающий персонал.

Вот когда этот же человек после своей работы или в выходной день пойдет, допустим, в парикмахерскую, в магазин, в баню или в театр, вот там он будет хозяин. Для него созданы эти заведения. Там к его услугам все для того, чтобы ему было хорошо и удобно жить на белом свете. И очереди в парикмахерской нет, и продавщица не кричит на него из-за прилавка, и веничек ему дали по вкусу, и спектакль идет замечательный, и в буфете в антракте

всякие сладости и чай-кофе в изобилии и без толкучки. Потому что в это время и продавцы, и парикмахеры, и банщики, и актеры, все они — обслуживающий его персонал.

А представьте себе: и парикмахерша около своего кресла будет рассуждать так: хочу побрехать, хочу с подружкой буду на твоих глазах болтать битых полчаса, а ты сиди и жди. Я хозяйка! Или продавец вместо облюбованного тобой кусочка мяса швырнет, что понало: «На, забирай, и отваливай! От той рубить не буду, и не указывай. Я здесь хозяйка!» И в бане, может быть, не повезет. И актер вдруг скажет: «Нет, не выйду я сейчас на сцену, мало ли что в зрительном зале уже свет потухнул. Ничего, пусть подождут, я хозяйка!» И бедный наш истинный хозяин — труженик целый день будет мыкаться, терпеть всякие неудобства и ущемления самолюбия от разного рода «хозяев».

Когда-то, в мои детские и отроческие годы, слово «хозяин» было бранным. Этим словом ругали: «Ишь, хозяин выискался!», «Ты из себя хозяина не изображай!», «Теперь хозяев нет!»

Как часто мы слышим и в наши дни вместо слов «директор», «начальник», «заведующий» — хозяин. «Хозяин придет — даст жизни!», «Не спорь ты с хозяином!», «Хозяин лучше тебя знает!» А в инженерно-технических кругах произносят: «Шеф!»

Понимаю — суть вопроса не в самом слове. Мы же говорим: «Этому человеку верь. Он хозяин своего слова». Или: «Спасибо за угощение. Очень вкусно. Какая вы прекрасная хозяйка!» Да и в песне поют: «Человек проходит, как хозяин необъятной

Родины своей...» Что тут дурного? Напротив, прекрасно!

И дело, конечно, не в том музейном старичке. Человек поумнее вслух о себе такой откровенности не позволит. Но вести себя подобным образом может, да еще и поярче, еще, так сказать, выразительней, если ему мерещится о своей персоне невесть что.

А ведь случается иногда: человек получил какой-нибудь мало-мальски командный пост, он уж и походку особую, «степенную» вырабатывает, и речь у него какая-то негромкая, вальяжная, если можно так выразиться, даже монотонная — все равно, мол, обязанности утихнуть и слушать. И здравается он с тобой с утра, если ты его подчиненный, еле-еле и хмуро, отчего у тебя весь день может работа валиться из рук; уж, мол, не проштрафился ли я в чем?

А распекает как подобные «шефы» научились! Однажды я был невольным свидетелем такой сцены. Начальница — и довольно интересная дама — так гадко кричала на своего в чем-то провинившегося подчиненного — человека пожилого и весьма тщедушного сложения, что у бедняги буквально тряслись руки. Когда он вышел в прихожую, лихорадочно стал записывать в рот белые крупинки нитроглицерина. Человек этот прошел всю Великую Отечественную и имеет боевые ордена. Хозяин А по-моему, простая распушенность... Распушенность от безнаказанности.

Много у нас пишут о том, что нельзя ранить и убивать людей словом, что не позволено ни при каких обстоятельствах топтать чье-либо человеческое достоинство, которое не зависит ни от должности, ни от звания, ни от материального преуспевания. Оно

одинаково у всех советских людей — это человеческое достоинство.

Взаимоотношения хозяина и работника в их исторической сущности исчезли в нашей стране навеки. Но тем переносимее старые психологический и нравственный аспекты этих взаимоотношений, к сожалению, еще не изжитые.

Когда человек на работе, он в той или иной степени непременно обслуживающий персонал. Министр он или няня в больнице — разница нет. Я драматург, и когда на сцене идет моя пьеса, я обслуживаю сотни или тысячу зрителей и хочу это сделать хорошо. Об этом думаю, едва рождается замысел, когда пишу пьесу, когда идет спектакль. Очень хочется обслужить зрителя наилучшим образом.

К сожалению, есть у нас такие типы, для которых слова «обслуживающий персонал» стали чем-то чуть ли ни унижающими человеческое достоинство. Вы обращали внимание: дворник метет тротуар, идет какая-то «паца» — она ни за что не обойдет метлу, она так и идет на нее, всем своим видом говоря: «Эй, ты, метла, сторонись. Я иду! Прочь с дороги!» Глупо!

Правда, и дворник может так лихо мотать метлой, что, кажется, нарочно не хочет никому дать прохода. Тоже «хозяин»!

Я далек от маниловщины во взгляде на взаимоотношения людей в процессе труда. Работа требует и строгости, и четкости ритма, и часто сильного напряжения. Вполне справедливо существует целая шкала дисциплинарных взысканий, вплоть до увольнения с работы и даже отдачи под суд. Было бы наивно и не-

справедливо с моей стороны объявлять всех, кто чем-либо заведует, в «хозяйских» замашках. Истинных тружеников и энтузиастов много всюду.

Но и «хозяева» нет-нет и объявляются — а ведь они не планировались, когда люди мечтали о социалистическом обществе и строили его.

Единственная сфера полностью твоего владычества, сфера, в которой ты государь, — это мир твоих чувств. Ими ты не только можешь, но и должен управлять единолично и полновластно. Много еще разных мыслей о жизни вызвал у меня этот маленький эпизод в музее. До нас дошел рассказ, ставший почти легендой, о том, как великий русский художник Суриков увидел однажды на снегу обыкновенную ворону, и ему пришла идея написать картину «Боярыня Морозова». Уж такой пустяк — ворона! А такая прекрасная картина получилась.

Напишу ли пьесу об этом новоявленном хозяине? Не знаю. Вероятно, нет. Но уверен: подобный человеческий тип требует самого пристального внимания к себе. И, может быть, кто-нибудь другой напишет эту «Белую ворону» во всей ее мнимой значительности и глупости.

Человековеденье — говорил Горький о литературе. Это справедливо. И литература пристально рассматривает со всех сторон не только Человека с большой буквы, но и такого, который пишется с самой маленькой. Изучают же ученые, допустим, не только животных, которые полезны человеку, но и все прочие животные организмы, вплоть до болезнетворных микробов. И тоже для пользы людей...

Виктор РОЗОВ.